

природу: стремясь воплотить принцип изобилия, он использует троянский мотив в целях обогащения и разнообразия художественного целого.

Психологическая перемена в раскаявшемся Демофонте — это элемент сюжета, который лишний раз демонстрирует различие между Ломоносовым и Расином. Тот же самый мотив неоднократно встречается у Расина, когда он говорит о перипетиях судьбы. Однако этот мотив имеет другие основания, чем у Ломоносова, и приобретает другой смысл. Из ревности Гермiona побуждает влюбленного Ореста убить Пирра. Однако, когда преступление совершено, Гермiona осыпает Ореста упреками (знаменитая третья сцена пятого акта). Эта перемена в ней — иррациональна и демонстрирует амбивалентность любви и ненависти. В противоположность этому Демофонт у Ломоносова действует сознательно во имя разума и добродетели. У Расина и Пирр переживает нечто подобное (II. 4), но позже его переживания сводятся на нет. У ломоносовского Демофонта перемена имеет окончательный характер (то же самое можно сказать о Полиместоре, который отворачивается от Илионы). И этот переход происходит легко и быстро: достаточно одного разговора с добродетельным наперсником, чтобы Демофонт встал на путь истинный (II. 8). Единственная трудность заключается в том, чтобы убедить обманутую возлюбленную в своей искренности, но и здесь достаточно оказывается одного, правда напряженного, разговора (III. 4).

У Расина такое было бы невозможно, но Ломоносов следовал в своей трагедии «Тамира и Селим» Готтшеду. В «Умирающем Катоне» Готтшеда Порция, вновь обретенная дочь главного героя, давно любит Цезаря, и эта любовь взаимна. Но Цезарь — враг республики, а Катон, напротив, — убежденный республиканец. Его возмущает мысль о том, что его дочь могла полюбить Цезаря. Он неумолим, и Порция подчиняется долгу (IV. 2): перемена в ней совершается так же гладко и быстро, как и в случае с Демофонтом, и также является бесповоротной — опять *разум* одерживает блестящую победу над желанием и страстью. Так же как и Готтшед, Ломоносов является поборником раннего Просвещения в отличие от Расина, писателя другой эпохи.

* * *

Как он сам заявлял, Расин стремился к трагедии, действие которой было бы как можно более «простым и не нагруженным материалом» («une action simple, chargée de peu de matière»). На